

1945–2020: К 75-ЛЕТИЮ ЯЛТИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

DOI 10.32726/2411-3417-2020-2-71-83

УДК 327; 94

Владимир ПЕЧАТНОВ

Ялтинские решения: была ли альтернатива для Запада?

Аннотация. *Итоги встречи лидеров стран антигитлеровской коалиции в Ялте давно подвергались критике в США, а в последние десятилетия эту тему с новой силой подхватили и на Западе, и в странах Центральной и Восточной Европы. Однако решения Ялтинской конференции определялись реальным соотношением сил и военной ситуацией, сложившейся к началу 1945 г. Каждая из союзных стран преследовала собственные интересы, но они смогли достичь взаимоприемлемого баланса этих интересов во имя окончательной победы над общим врагом. Ялтинская конференция стала последним взлетом сотрудничества союзников по антигитлеровской коалиции, а отнюдь не прологом к холодной войне, как часто утверждают теперь.*

Ключевые слова: *Ялтинская конференция, Вторая мировая война, послевоенное урегулирование, Ф. Рузвельт, И.В. Сталин, У. Черчилль, антигитлеровская коалиция, соотношение сил, «Декларация об освобожденной Европе», секретный протокол по Дальнему Востоку.*

Решения Ялтинской конференции давно подвергались критике в США со стороны противников президента Франклина Рузвельта, обвинявших демократов в чрезмерных уступках Советскому Союзу. В стремлении «раскрыть секреты» ялтинских соглашений республиканцы в Конгрессе даже настояли на досрочном издании в 1955 г. очередного тома внешнеполитических документов серии «Foreign Relations of the United States», посвященного Ялтинской конференции [Foreign Relations... p. iii]. Хотя опубликованные документы не содержали никаких сенсационных разоблачений, отзвуки

Сведения об авторе: ПЕЧАТНОВ Владимир Олегович — профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, vopchatnov@gmail.com.

1 Публикуемая подборка статей подготовлена на основе докладов конференции «Ялта-1945: уроки истории», организованной Фондом исторической перспективы совместно с Советом Федерации РФ, Ассамблеей народов Евразии и Ливадийским дворцом-музеем и состоявшейся 13–14 февраля 2020 г. в Ливадийском дворце в Крыму. В более полном виде материалы конференции будут опубликованы в книге: Ялта-1945: уроки истории. Материалы международной конференции / Сост. Е.А. Бондарева. М.: Астрей, 2020. (в печати).

этой критики продолжались в правоконсервативных кругах США вплоть до начала XXI века [Подробнее о дебатах в США вокруг Ялты см.: Reynolds].

Но в последние годы эту тему с новой силой подхватили в странах Балтии, а также Центральной и Восточной Европы (прежде всего в Польше), где Ялта изображается символом «предательства» интересов этих стран, результатом «умиротворения» И. Сталина со стороны У. Черчилля и особенно — «больного Ф. Рузвельта», которых коварный советский вождь якобы «переиграл» в Ялте. Утверждается, что западные союзники отдали Советскому Союзу «слишком много» в Европе и на Дальнем Востоке.

Эта критика подразумевает наличие у англо-американцев в конце войны альтернативного варианта действий, который помог бы избежать этих «чрезмерных уступок» и привести к другому исходу Ялтинской конференции. Но так ли это было на самом деле, особенно если посмотреть на тогдашнюю ситуацию глазами самих западных союзников?

Начнем с европейских проблем. Ялтинские решения (по Польше и другим вопросам) в решающей степени определялись положением на фронтах. Советская армия к тому времени продвинулась примерно до линии Данциг — Бреслау — Краков — Будапешт, и было ясно, что Советскому Союзу в вопросах обеспечения своей безопасности на этом традиционном коридоре вторжений с запада будет принадлежать главенствующая роль. Так что ялтинские уступки союзников Сталину стали не результатом ошибок англо-американской дипломатии в 1945 г., а закономерным следствием ключевых стратегических решений западных союзников в 1942–1943 гг., переложивших на Советскую армию основную тяжесть войны с Германией.

Реальной альтернативой такому исходу могло бы стать более раннее открытие второго фронта (если и не в 1942, то в 1943 г.) и продвижение союзников на восток Европы в результате этой операции. Однако экономия англо-американских жизней для них была важнее освобождения этого региона от нацизма, в то время как Советская армия сама ломала хребет вермахту. Что касается Запада, то там действовала стратегия «легкой войны» и щадящей мобилизации. Второй фронт открыли, когда Германия была уже подорвана и возникла реальная угроза освобождения большей части Европы силами одного СССР.

Другой альтернативой могла бы стать «балканская стратегия», которую в 1943–1944 г. активно продвигал У. Черчилль (а в США — бывший посол в Москве Уильям Буллит). Ее целью было предотвратить продвижение СССР вглубь Центральной и Восточной Европы своим наступлением с балканского направления, используя массированное военное присутствие союзников в Средиземноморье. Данный вариант рассматривался военным командованием США еще в мае 1943 г. Вывод военных планировщиков, одобренный Комитетом начальников штабов, был однозначен: «Общий характер местности, отсутствие серьезных стратегических целей и длинный тяжелый путь в Центральную Европу сделают такое вторжение крайне затратным по времени и усилиям... По всей вероятности, направить всю мощь Объединенных Наций против Германии через вторжение

на Балканы займет больше времени, чем любой другой маршрут вторжения на континент» [Invasion...]. Британское командование также не разделяло энтузиазма Черчилля в отношении балканского варианта, который был отвергнут. В итоге СССР внес решающий вклад в разгром Германии и был вправе рассчитывать на признание этой роли в виде учета своих жизненных интересов безопасности в ключевом для себя регионе. Даже ненавистник сталинского режима Джордж Кеннан во внутренней переписке откровенно признавал: «мы были слишком слабы, чтобы победить без сотрудничества с Россией. Я признаю, что военные усилия России были мастерскими и эффективными и что они должны быть в определенной степени вознаграждены за счет других народов Восточной и Центральной Европы» [G. Kennan to Ch. Bohlen...]. Западники понимали, что СССР неизбежно будет доминировать в Восточной Европе: «Следует помнить, что на оккупированной территории они (русские) будут делать более или менее то, что захотят», — писал Рузвельт госсекретарю Корделлу Хэллу в сентябре 1944 г. [Memorandum for the Secretary of State...]. На встрече с сенаторами в преддверии Ялты президент заявил, что «русские господствуют в Восточной Европе; но очевидно, что мы не можем пойти на разрыв с ними и, следовательно, единственный практический курс для нас — это использовать оставшееся у нас влияние для облегчения обстановки» [The Diaries of Edward R. Stettinius... p. 214].

Западные союзники понимали геополитическую обоснованность советских запросов по созданию пояса безопасности на своих западных границах из дружественных себе государств. Сохраняя Западную Европу под своим влиянием, они были готовы признать советское доминирование в Восточной Европе, в мягкой форме, без явной советизации, что позволило бы им сохранить там определенное влияние. «Ко времени Ялты советские армии уже оккупировали территорию Восточной Европы, включая Польшу, — писал позднее советник и переводчик Рузвельта, участник Ялтинской конференции Чип Болен, — Соединенные Штаты и Британия сталкивались с соотношением сил, которое можно было изменить, только прекратив войну с нацистской Германией. Поэтому ялтинские соглашения не поддерживали советскую политику в Восточной Европе, а были попыткой смягчить путем договоренности то, что США и Британия не могли изменить силой» [Ch. Bohlen to Th. Dillon...]. Главным средством такого смягчения на ялтинской конференции стала предложенная американцами «Декларация об освобожденной Европе», предусматривавшая проведение в регионе свободных выборов под международным контролем.

Таким образом, у союзников было несколько гипотетических вариантов действий в отношении сферы советского влияния в странах Центральной и Восточной Европы. Первый — «изменить силой» сложившуюся ситуацию, используя выражение Болен. Но с учетом реальной ситуации на фронтах и имевшегося соотношения сил это было невозможно и на практике означало войну со своим главным союзником, на что до последнего момента надеялись Гитлер и «лондонские поляки». «Они (лондонские поляки — Авт.) надеются сорвать ялтинские соглашения и привести к разрыву между СССР и западными демократиями, — телеграфировал Черчилль британскому послу в Москве Арчибальду Кларк-Керру в конце февраля. — Они идут на это в надежде поймать рыбку в мутной воде, несмотря на те беды, которые такой курс может обрушить

на их страну» [Prime Minister to A. Clark-Kerr...]. Впрочем, и сам Черчилль прикидывал возможность такого силового варианта, когда в мае 1945 г. поручил своим военным разработать план войны с СССР для решения польского и других европейских вопросов. В этом плане предусматривалось использование польской и остатков германской армии. Результат известен — британское военное командование сочло этот вариант «фантазией» и под характерным названием «Немыслимое» он был положен на полку¹.

Второй вариант, связанный с предыдущим, — прекращение военных действий на Западном фронте и подписание сепаратного мира с Германией.

«Ничто, кроме мира, заключенного с нацистской Германией, — продолжал Болен в своих рабочих записях, — не могло предотвратить военную оккупацию Восточной Европы и части Германии советской армией, если бы она продолжала сражаться с немцами. Но такой мир был невозможен со всех точек зрения» [Background on Yalta]. Оспаривая вывод военного советника Рузвельта адмирала Уильяма Леги (в рукописи книги последнего [Опубликованной как: Leahy]) о том, что ялтинские решения сделали Россию господствующей державой в Европе, Болен подчеркивал:

«Россия так или иначе стала бы доминирующей державой в Европе независимо от ялтинских соглашений, если только адмирал не имеет в виду, что нам следовало бы воспрепятствовать разгрому военной мощи Германии. Рассуждая реально, это был единственный способ предотвратить превращение России в преобладающую военную силу на европейском континенте» [Ch. Bohlen to Commander W. Kelly...].

На заключительном этапе войны вариант сепаратного мира с Германией в западных столицах, судя по всему, всерьез не рассматривался: это было чревато открытым столкновением с СССР, да и для самих западных союзников недобитая Германия была бы слишком опасной. То, что этот мир мог быть заключен с немецкими военными, а не с Гитлером, не меняло дела — тем более что сам фюрер к концу войны рассматривался англо-американским военным командованием скорее как фактор слабости, а не силы Германии. Тем не менее, возможность сепаратного мира союзников с немцами на исходе войны вызвала серьезные опасения в Кремле, что видно из острой реакции Сталина на контакты разведки союзников с германским командованием в Швейцарии весной 1945 г. (операция «Кроссворд») [Подробнее см.: Печатнов, Магадеев, с. 495–501].

Более реалистичным выглядел третий вариант, предложенный Дж. Кеннаном в личном письме своему старому другу Болену, написанном накануне Ялты. Кеннан не верил в возможность сотрудничества с СССР в послевоенном урегулировании и призывал Болена (а через него и Рузвельта) ограничиться откровенным разделом Европы на западную и восточную части — «держаться в стороне от русской сферы и не пускать их в нашу». «Это будет лучше всего для нас и наших друзей в Европе и самым

1 «Идея, конечно, фантастическая и шансы на успех нулевые, — записал в своем дневнике начальник Имперского генерального штаба фельдмаршал А. Брук. — Нет никаких сомнений в том, что Россия отныне всемогуща в Европе» [War Diaries... Ржешевский]

честным подходом в отношении России». Не веря в возможность Запада повлиять на ситуацию в Центральной и Восточной Европе, Кеннан предлагал «списать» этот регион и «спасать» Западную Европу, включая западные зоны оккупации Германии. Для этого, по его мнению, было необходимо «пустить в ход все наши козыри» и «похоронить Думбартон-Оксе» (то есть создание ООН — Авт.) как бесполезный проект, который не сможет остановить «русскую экспансию» [G. Kennan to Ch. Bohlen...]. По сути, Кеннан предлагал начать холодную войну с СССР из-за Восточной Европы.

Этот вариант был вежливо отвергнут Боленом как опасный и контрпродуктивный. Советский Союз был еще очень нужен для окончательного разгрома Германии и помощи в войне с Японией (американское командование считало вступление СССР в эту войну необходимым условием разгрома Японии). Предлагавшийся Кеннаном открытый раздел Европы мало что давал союзникам кроме морального удовлетворения от отказа участвовать в создании видимости легитимности советской сферы влияния. К тому же спешить с разрывом не было никакой необходимости.

«Ясно одно, — отвечал Кеннану Болен, — Союз стал и останется одним из главных факторов в мире. Разругаться с ними легко, но мы всегда это успеем сделать» [Ch. Bohlen to G. Kennan...].

Отсюда четвертый вариант — признание советского доминирования де факто при попытке смягчить его с помощью «Декларации об освобожденной Европе» и других средств сохранения остатков своего влияния в регионе. Именно этот вариант и был положен в основу американской позиции в Ялте. Он давал сразу несколько преимуществ. Во-первых, сохранялись отношения с СССР ради окончательного разгрома Германии, Японии и запуска ООН, который был важен для Рузвельта. Во-вторых, такой курс оставлял шанс на смягчение советского доминирования в Центральной и Восточной Европе. Тот же Болен вспоминал: «Я тогда считал, что согласиться на полное господство СССР в этом регионе, даже имея лишь слабую надежду на предотвращение или смягчение такого раздела, означало бы усугубить вину Соединенных Штатов, которые тем самым добровольно взяли бы на себя полную ответственность за передачу этих стран в советское подчинение» [Notes on chapter XII]. В-третьих, этот вариант давал возможность в случае неудачи с этим шансом заявить, что союзники «сделали все, что могли», и свалить вину на СССР за нарушение ялтинских договоренностей. Так оно впоследствии и получилось, когда Вашингтон и Лондон смогли убедить общественное мнение своих стран в ответственности СССР за несоблюдение «Декларации об освобожденной Европе» и развязывание холодной войны на континенте. «Позднее, когда Америка решила организовать сопротивление советской экспансии, это было сделано на основе нарушения Сталиным своего слова, данного в Ялте», утверждал Г. Киссинджер [Plokhy, p. 263]. Недаром Болен и посол США в Москве Аверелл Гарриман удивлялись тому, что Сталин все-таки связал себя этим, хотя и весьма условным обязательством [Notes on chapter XII]. Но для Сталина это было частью платы за сохранение союзного единства. Наконец, такой вариант давал Рузвельту и Черчиллю возможность изобразить Ялту в своих странах как победу, в том числе — и как свой личный успех. В целом позиция, выбранная Рузвельтом и его советниками в Ялте, представляется наиболее оптималь-

ной с точки зрения интересов самих США и не случайно эти советники (Эдвард Стеттиниус, Болен и Гарриман) в защите рузвельтовской дипломатии в Ялте приводили именно эти аргументы [См.: См. показания А. Гарримана в Конгрессе в 1951 г. *Congressional Record...*]. Болен делал особый упор на «чистую совесть» американской делегации в Ялте, которая в лице Рузвельта предприняла «честную и искреннюю попытку найти основу для соглашения с Советским Союзом», и не ее вина, что эта попытка не удалась [Ch. Bohlen to A. Harriman...].

Принятая в Ялте «Декларация об освобожденной Европе» стала компромиссом между советским стремлением к свободе рук в создании дружественных правительств на своих западных границах и расчетами западников сохранить этот регион открытым для своего влияния. Декларация провозглашала необходимость проведения свободных выборов и создания демократических правительств в освобождаемых странах, но не предусматривала — благодаря усилиям бдительного Вячеслава Молотова — международного контроля над реализацией этих принципов. Сталин пошел на эту уступку, прекрасно понимая, что в конечном итоге «мы будем выполнять по-своему», ибо «все дело в соотношении сил», как он говорил Молотову [Чуев, с. 94].

Другой частью восточноевропейского компромисса стало решение о «реорганизации» просоветского Временного правительства Польши «на более широкой демократической основе». Оно не уточняло конкретных параметров этой реорганизации, что позволяло Москве свести ее к минимуму. Но все же это соглашение, вопреки последующим обвинениям в адрес СССР, подразумевало сохранение «люблинского» правительства в качестве основы, а не радикальную замену его состава, на которой потом будут настаивать западные партнеры. «Про себя» это признавали и западные союзники. Ялтинское соглашение, писал Рузвельт Черчиллю 29 марта, «делает больший упор на люблинских поляках, чем на двух других группах» [Churchill and Roosevelt...]. Таким образом, ответ на вопрос о «нарушителях» этих ялтинских соглашений отнюдь не так однозначен, как принято считать на Западе¹. Была согласована и новая восточная граница Польши с небольшими отклонениями от «линии Керзона», но Сталину не удалось зафиксировать ее западную границу по Одере — Западной Нейсе. Тем не менее, в ориентировке Молотова для советских послов по итогам Ялты подчеркивалось, что в основу декларации «О Польше» «легли наши предложения» [АВП, ф. 017, оп. 3, п. 2, д. 1, л. 55].

Секретный протокол Ялтинской конференции по Дальнему Востоку, сведения о котором просочились в американскую печать в 1946 г., также вызвал резкую критику в США за якобы чрезмерные уступки Советскому Союзу, не умолкающую и по сей день. Однако и здесь у западных союзников не было большого выбора действий. Во-первых, как США, так и Великобритания признавали законность советских запросов по Дальнему Востоку с точки зрения обеспечения безопасности СССР и были вполне готовы к ним еще до Ялтинской конференции. Советский запрос по Дальнему Востоку (Южный Сахалин, Курилы, Порт-Артур, Дальний и права по маньчжурским желез-

1 Это признают и объективные американские историки [См.: Leffler, p. 98].

ным дорогам) был впервые озвучен Сталиным на встрече с Гарриманом еще в декабре 1944 г. и в целом не вызвал серьезных возражений у союзников. Показательно, что по оценкам британской и американской разведок СССР для обеспечения своей безопасности вполне мог бы претендовать на гораздо большее (Маньчжурию, Корею и внешнюю Монголию), будучи в состоянии занять эти территории в одностороннем порядке¹.

Не удивительно, что в Вашингтоне и Лондоне сочли эти уступки вполне приемлемой ценой за вступление СССР в войну с Японией, которое накануне Ялты являлось важнейшим приоритетом США. «Вступление России (в войну — В.П.) настолько рано, насколько она сможет развернуть наступательные операции, необходимо для оказания максимальной помощи нашим операциям на Тихом океане», — говорилось в меморандуме Комитета начальников штабов (КНШ) для президента, подготовленном накануне Ялтинской конференции [Memorandum for the President...]. В тот период успех «Манхэттенского проекта» был еще под большим вопросом, а планы вторжения на японские острова предусматривали участие почти 5 млн личного состава, потери которого могли достигнуть 1 млн чел. [Stimson, p. 619] Для военного командования США было критически важно не только само вступление СССР в войну с Японией, но и то, чтобы это произошло до начала высадки американских войск на основные японские острова, планировавшейся на 1 ноября 1945 г. (операция «Коронет»). Как и в случае с операцией «Багратион» в поддержку высадки союзников в Нормандии, советское наступление в Маньчжурии должно было оттянуть на себя основные сухопутные силы японцев и тем самым способствовать успеху этой высадки. Ялтинские соглашения закрепили эту договоренность, при этом в ходе переговоров с Рузвельтом Сталин согласился на некоторую корректировку советской позиции в пользу Китая: аренда маньчжурских железных дорог и порта Дальнего была заменена на совместное советско-китайское управление при соблюдении «преимущественных интересов СССР», а вступление в силу ялтинских договоренностей обуславливалось согласием на это правительства Гоминьдана.

Во-вторых, американское командование понимало, что не в силах воспрепятствовать занятию этих территорий советскими войсками в одностороннем порядке. «Уступки в пользу России на Дальнем Востоке, сделанные в Ялте, она способна получить военным путем независимо от США...», — говорилось в докладе военного министра Генри Стимсона для руководства Госдепартамента в мае 1945 г. — Военное министерство считает, что в военном отношении Россия способна нанести поражение Японии и занять Карафуто (Сахалин — В.П.), Маньчжурию, Корею и Северный Китай до того, как войска США смогут оккупировать эти территории». Исключение составляли только Курильские острова, где американские войска могли опередить советские силы. Но цена

¹ «Русские захотят получить всю Маньчжурию, Корею и возможно часть Северного Китая, — считал главнокомандующий американскими войсками на Тихом океане генерал Д. Макартур. — Занятие ими этих территорий неизбежно, но Соединенные Штаты должны настоять на том, чтобы Россия заплатила за это цену в виде вторжения в Маньчжурию как можно скорее после разгрома Германии» [P. Freeman, Jr. To General Marshall and General Hull... Подробнее см.: Печатов Большая стратегия СССР...]

такого воспрепятствования представлялась слишком высокой. «Если бы Соединенные Штаты оккупировали эти острова, опередив русских, это было бы сделано с большим ущербом для кампании по разгрому Японии и с неприемлемой ценой американских жизней, — продолжалось в этом документе. — Кроме того, русские в таком случае могли бы выждать, пока США завершат военный разгром Японии, и после этого захватить нужные им объекты гораздо меньшей ценой, чем если бы они вступили в войну на более ранней стадии» [Secretary of War...].

Стимсон подтвердил эту позицию военного командования в ответ на запрос Госдепартамента о возможности пересмотра ялтинских соглашений по Дальнему Востоку. Дипломатическое ведомство при новом президенте Гарри Трумэне попробовало «переиграть» эти соглашения с тем, чтобы получить дополнительные уступки от СССР по другим вопросам, включая использование Курильских островов для коммерческой авиации США. Отрицательное мнение военного министерства вынудило положить эти планы на полку. Но Белый Дом на этом не успокоился. 11 августа Трумэн приказал американским войскам занять порт Дальний до прихода туда советских войск, что стало бы прямым нарушением ялтинских соглашений. Однако советские части опередили американцев, предотвратив тем самым серьезный конфликт между союзниками [Memorandum for Admiral King and General Marshall...]. Еще один заход в том же направлении Трумэн сделал в послании Сталину от 18 августа 1945 г., в котором запросил не больше, не меньше, как право базирования на Курилах для армейской авиации США. Подобные требования, холодно ответил Сталин, предъявляются либо побежденной стране, либо слабому союзнику, а СССР не относится ни к тем, ни к другим. Трумэну по совету своих военных пришлось ретироваться [См. подробнее: Печатнов Как Трумэн...]. Таким образом, если кого-то и можно обвинять в нарушении ялтинских соглашений, так это трумэновский Белый Дом. Американские попытки пересмотреть ялтинские соглашения по Дальнему Востоку постфактум закончились провалом, что подтвердило их обоснованность и необратимость.

Единственное, по мнению Болен, упущение американцев в Ялте состояло в соглашении на передачу Советскому Союзу всех Курильских островов. Поскольку в отличие от Южного Сахалина они были не захвачены Японией у России, а переданы ей царским правительством по условиям Петербургского договора 1875 г. о торговле и навигации, США, считал Болен, могли бы воспротивиться советскому запросу на сей счет. Но так как Рузвельт и его советники не были знакомы с предысторией вопроса, эта возможность была упущена. «Если бы президент выполнил свое домашнее задание до конца, а кое-кто из нас был лучше знаком с историей Дальнего Востока, Соединенные Штаты не отдали бы Курилы Сталину с такой легкостью», — писал Болен в своих мемуарах [Bohlen, p. 196–197]. Это были запоздалые сожаления, но и до Ялты эксперты Госдепартамента и влиятельного нью-йоркского Совета по внешним сношениям рекомендовали не передавать Советскому Союзу хотя бы трех самых южных островов Курильской гряды, оставив их Японии [Pratt, p. 28–29]. Однако верх взяли уже отмеченные соображения американского военного командования, поддержанные Рузвельтом. Сохранение отношений с ключевым союзником, необходимым для разгрома Японии, было гораздо важнее проблематичного приобретения второстепенного по своему значению

объекта. «Мы только что спасли два миллиона американских жизней», — сказал адмирал Эрнест Кинг дочери А. Гарримана в Ялте после подписания протокола по Дальнему Востоку [Plokhy, p. 288].

Таким образом, Рузвельт, по словам тогдашнего госсекретаря Э. Стеттиниуса, в Ялте «не «сдал» ничего существенного из того, что был в силах удержать» [Stettinius, p. 295]. Сталин, со своей стороны, умело сочетал отстаивание советских интересов с уступками союзникам для сохранения союзного взаимодействия, хотя, казалось бы, мог позволить себе и более жесткий тон. На подходе к Ялте союзники опасались, что великие советские победы и положение хозяина конференции настроят его на бескомпромиссный лад. Но, как отмечал придирчивый заместитель Идена Александр Кадоган, «...в нем не было никакого хвастовства, успехи не ударили ему в голову, а придали дополнительной уверенности, позволявшей шире смотреть на вещи и не бояться идти на уступки» [The Diaries of Sir Alexander Cadogan... p. 7].

Конечно, не все проблемы в Ялте были решены, а под достигнутыми компромиссами и видимостью союзного единства скрывались серьезные разногласия и взаимные подозрения, которые скоро выйдут на поверхность. Предвестниками этих разногласий были и умолчания западных союзников в Ялте.

Первое из них относилось к «Манхэттенскому проекту», который вступил тогда в финальную стадию. Насколько известно, Рузвельт в Ялте заговаривал с Черчиллем о возможности сообщить Сталину о его скором завершении. Это, в частности, подтверждается черновиком указания Черчилля Идену от 25 марта 1945 г. «В Ялте я был шокирован, когда президент в своей непринужденной манере заговорил о раскрытии этого секрета Сталину на том основании, что если тот о нем уже слышал, то ответит нам своим обманом...» [Foreign Secretary, 25.03.1945]. Черчилль ответил резким отказом, ссылаясь на англо-американское обязательство не разглашать этот секрет третьей стороне, закрепленное в меморандуме в Гайд-парке от 18 сентября 1944 г. [Мальков, с. 47–48] Сталин, конечно, был хорошо информирован о «Манхэттенском проекте» а, возможно, — и об этом кулуарном разговоре своих партнеров в Ялте. Говорил же он чуть позднее послу Громыко, что Рузвельт в Ялте «мог бы просто мне сказать, что ядерное оружие проходит стадию изготовления. Мы же союзники» [Громыко, с. 277]. Не случаен известный тост Сталина на заключительном ужине в Ливадийском дворце, зафиксированный британским переводчиком: «Союзники не должны обманывать друг друга. Возможно, это наивно, и опытные дипломаты могут спросить: почему не обмануть союзника? Но я как наивный человек думаю, что все же лучше не обманывать своего союзника, даже если он дурак. Возможно, наш союз потому и крепок, что мы не обманываем друг друга, а может быть — потому, что нам нелегко обмануть друг друга?» [Churchill Second World War] Может быть, тем самым Сталин намекал своим союзникам, что обмануть его все равно не удастся? В любом случае, сохранение атомного секрета в тайне, о которой Сталин хорошо знал, не укрепляло его доверия к союзникам.

Другим обойденным вопросом был шестимиллиардный кредит на послевоенное восстановление, запрошенный у американской стороны в начале января 1945 г. В Москве

тщательно готовили этот запрос и придавали ему большое значение для разрушенного войной хозяйства страны. Посол Гарриман, который хорошо сознавал значение этого займа для СССР и ратовал за его предоставление еще в 1944 г., советовал Рузвельту поднять этот вопрос в Ялте. Его поддерживал и министр финансов Генри Моргентау, вручивший президенту 10 января проект льготного (2,25 % годовых) кредита СССР общим объемом в 10 млрд долл., рассчитанного на 35 лет. Моргентау доказывал, что Советский Союз вполне справится с погашением этого кредита (в том числе — за счет поставок необходимых для США редкоземельных металлов) и выступал против его политического использования [H. Morgenthau to Admiral W. Leahy...]. В Москве, вероятно, знали о проекте Моргентау (хотя бы через его заместителя Гарри Уайта, имевшего свой выход на советское посольство) и рассчитывали на положительное решение вопроса. Посол Андрей Громыко накануне Ялты в докладе Молотову также предполагал, что Рузвельт поднимет этот вопрос на конференции [Громыко — Вышинскому...]. Госдепартамент со своей стороны не спешил с рассмотрением советской заявки, рассчитывая приберечь этот кредит на будущее в качестве инструмента давления на СССР. «В тактическом плане, — говорилось в заключении ведомства, — было бы вредно давать такой большой кредит в настоящее время и тем самым утратить наш единственный конкретный рычаг в урегулировании многих политических и экономических проблем, которые возникнут между нашими странами» [FRUS 1945. Vol. 5. Washington, 1967. P. 966]. Заместитель Гарримана по посольству в Москве Дж. Кеннан добавлял к этому еще одно возражение: «Намерения Советского правительства еще недостаточно определились на деле, и мы не можем быть уверены в том, что, способствуя военной индустриализации Советского Союза в послевоенный период, мы не будем снова, как в случае с Германией и Японией, создавать военную мощь, которая однажды может быть обращена против нас» [Kennan for the Ambassador...].

В итоге Рузвельт решил повременить, заявив министру финансов в ответ на его предложение: «Очень важно выждать и не давать им финансовых обещаний, пока мы не получим того, что хотим» [From Morgenthau Diaries... p. 305]. В итоге президент даже не упомянул об этой идее в Ялте, а Сталин, в свою очередь, также не поднимал этого вопроса, чтобы не выступать в роли просителя. Правда, Молотов на заседании экспертов 5 февраля попробовал это сделать, но вопрос повис в воздухе. Впоследствии Вашингтон будет еще долго тянуть с «тщательным рассмотрением» этого запроса, а потом обставит предоставление кредита неприемлемыми для Москвы политическими требованиями. Между тем, предоставление столь весомой и долгосрочной помощи в послевоенном восстановлении могло бы повысить заинтересованность Кремля в сохранении партнерских отношений с США¹.

И последнее, 6 февраля на заседании американского Комитета начальников штабов в Ялте было решено сделать Сталину достойный подарок. В телеграмме на имя главнокомандующего ВВС генерала Генри Арнольда говорилось: «Считаем, что было бы очень своевременно преподнести Сталину на конференции от Вашего имени самолет С-54

1 Важное значение отказа в этом кредите для обострения советско-американских отношений признают и американские историки [см.: Patterson].

(лучший транспортный самолет, на котором летал и Рузвельт — В.П.), оборудованный на том же или еще более элегантно уровне, что и аналогичный самолет, подаренный Черчиллю». Отличавшийся скарредностью в отношении поставок Советскому Союзу Арнольд, тем не менее, взял под козырек:

«Сообщите Сталину, что С-54 выделен для его личного пользования и может быть доставлен в Москву примерно через три недели», — ответил он 7 февраля. Главком даже предложил запросить Сталина о его особых пожеланиях относительно внутренней отделки салона самолета. Но на следующий день он неожиданно получил новое указание: «Комитет начальников штабов на заседании 8 февраля принял решение не дарить Сталину С-54 в исполнении люкс» [From Argonaut to War Department...]. Мотивы этого пересмотра, который вряд ли состоялся без ведома Рузвельта, в военных архивах США не просматриваются. Не знают об этом факте и ведущие военные историки США У. Кимбэлл и М. Столер, с которыми автор данной статьи консультировался по этому вопросу. Возможно, за этим решением не стояло никакой политики, а может быть, дар, в конце концов, был сочтен не «очень своевременным». При этом Рузвельт на обратном пути из Ялты посетил саудовского и египетского монархов и сделал им не менее щедрые подарки, в том числе — тот же С-54 с экипажем в придачу.

Сталин, как известно, очень не любил летать, и американский самолет для личного пользования был ему не нужен. Но сам факт подобной скупости в отношении главного союзника (о котором он мог узнать благодаря системе прослушивания) вряд ли прошел мимо его подозрительного внимания. Таким образом, ретроспективные уверения Болена о «чистой совести» делегации США в Ялте, которая якобы сделала все возможное для сохранения отношений с СССР, похожи скорее на самовнушение, чем на констатацию факта.

Подведем итоги. Решения Ялтинской конференции по Восточной Европе и Дальнему Востоку определялись реальным соотношением сил и военной ситуацией, сложившейся к началу 1945 г. Каждая из союзных стран преследовала собственные интересы, но они смогли достичь взаимоприемлемого баланса этих интересов во имя окончательной победы над общим врагом. Иными словами, в Ялте не было проигравших, и это во многом объяснялось умелым поведением советской делегации.

«Русские показали, что они могут поступать разумно и проникательно, — говорил об этом советник президента США Франклина Рузвельта Гарри Гопкинс, — и ни у президента, ни у кого-то из нас не оставалось никакого сомнения в том, что мы сможем ужиться с ними и работать мирно так долго, как это только можно себе представить» [Шервуд, с. 589]. Британский Кабинет полностью одобрил работу своей делегации на конференции и послал поздравительную телеграмму Черчиллю и Идену [W.M. (45) 18th Conclusions...]. Ялтинская конференция стала последним взлетом сотрудничества союзников по антигитлеровской коалиции, а отнюдь не прологом к холодной войне, как утверждают сейчас многие на Западе.

Литература

- Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 017. Оп. 3. П. 2. Д. 1. Л. 55.
Громыко — Вышинскому, 26 января 1945 // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 06. Оп.7а. П. 59. Д. 38. Л. 44.
- Громыко А.А. Памятное. Книга первая. Издание второе, дополненное. М. 1990.
- Мальков В.Л. «Манхэттенский проект». М. 1996.
- Печатнов В. Большая стратегия СССР после войны глазами британской разведки // Россия XXI. 2010. № 5.
- Печатнов В. Как Трумэн у Сталина Курилы просил // Россия XXI. 2012. № 4.
- Печатнов В., Магадеев И. Переписка Сталина с Рузвельтом и Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Т.1–2. М. 2015. Т.2.
- Ржешевский О.А. Секретные военные планы У. Черчилля в мае 1945 г. // Новая и новейшая история. 1999. № 3.
- Чуев Ф. Молотов — полудержавный властелин. М. 1999.
- Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т.1–2. М. 1958. Т. 2.
- Background on Yalta // National Archives. Record Group 59. Records of Charles E. Bohlen. General Correspondence. 1944–52. Box 8.
- Bohlen Ch.* Witness to History: 1929–1969. N.Y. 1973. P. 196–197.
- Ch. Bohlen to A. Harriman, February 15, 1950 // National Archives (College Park, Md). Record Group 59. Records of Ch. Bohlen. General Correspondence. 1944–1942. Box. 2.
- Ch. Bohlen to Commander W. Kelly, Navy Department, May 11, 1949 // National Archives (College Park, Md). Record Group 59. Records of Ch. Bohlen. General Correspondence. 1944–1952. Box 6.
- Ch. Bohlen to G. Kennan, January 30, 1945 // Library of Congress. Manuscript Division. Ch. Bohlen Papers. General Correspondence. Cont. 31.
- Ch. Bohlen to Th. Dillon, EE, August 28, 1951 // National Archives (College Park, Md). Record Group 59, Records of Ch. Bohlen, General Correspondence, Box 5.
- Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence. Vol.1–3. Ed. by W Kimball. Princeton. 1984. Vol. 3.
- Churchill W.* Second World War. Vol. 6. Triumph and Tragedy. Boston. 1953.
- Congressional Record. Vol. 97. Wash. 1951. P.A5410–5416.
- Foreign Relations of the United States 1945. Vol. 5. Washington. 1967.
- Foreign Relations of the United States. Conferences at Malta and Yalta. Wash. 1955.
- Foreign Secretary, 25.03.1945 // The National Archives (Kew, Richmond). Prime Minister's Office Records 3/139/6.
- From Argonaut to War Department, 6 February, 1945; To Argonaut from Arnold, 7 February, 1945; From Argonaut to War Department, 8 February, 1945 // National Archives (College Park, Md). Record Group 165 OPD Exec. 5. Items 18, 19.
- From Morgenthau Diaries: Years of War, 1941–1945 / Ed. by J. Blum Boston. 1967. Vol. 3.
- G. Kennan to Ch. Bohlen, January 26, 1945 // Library of Congress. Manuscript Division. Ch. Bohlen Papers. General Correspondence. Cont. 31.
- G. Kennan to Ch. Bohlen, January 26, 1945 // Library of Congress. Manuscript Division. Ch. Bohlen Papers. General Correspondence. Cont. 31.
- H. Morgenthau to Admiral W. Leahy, January 10, 1945 // FDRL, Morgenthau Diaries.
- Invasion of the European Continent from Bases in Mediterranean, 1943–1944. Report by Joint Staff

- Planners, May 8, 1943 // FDRL, President's Secretary File, General Strategy.
- Kennan for the Ambassador, December 3, 1944 // Library of Congress. Manuscript Division. W.A. Harriman Papers. Chronological File. Cont. 175.
- Leahy W.* I Was There. N.Y. 1950.
- Leffler M. Adherence to Agreements: Yalta and the Experiences of the Early Cold War // International Security. Summer, 1986.
- Memorandum for Admiral King and General Marshall, August 11, 1945 // National Archives (College Park, Md). Record Group 218. Records of W. Leahy. Box 9.
- Memorandum for the President, 23 January 1945 // National Archives (College Park, Md). Record Group 218. Records of W. Leahy. Box 20.
- Memorandum for the Secretary of State, September 29, 1944 // National Archives (College Park, Md). Record Group 59. Records of H. Notter. 1939–1945.
- Morrison S. Victory in the Pacific, 1945. Boston. 1961.
- Notes on chapter XII // Library of Congress. Manuscript Division. Ch. Bohlen Papers. Writings. Cont.11.
- Notes on chapter XII // Library of Congress. Manuscript Division. Ch. Bohlen Papers. Writings. Cont.11.
- P. Freeman, Jr. to General Marshall and General Hull, 13 February, 1945 (Summary of an Hour and a Half Conversation with General MacArthur). // National Archives (College Park, Md). Record Group 165 OPD. Exec.2. Item 11.
- Patterson T.* Soviet-American Confrontation: Postwar Reconstruction and the Origins of the Cold War. Baltimore. 1973.
- Plokhy S.* Yalta. The Price of Peace. N.Y. 2010.
- Pratt W.* The Future of the Kurile Islands // American Interests in the War and the Peace. Problems of the Peace Settlement with Japan. Council on Foreign Relations. July 1944.
- Prime Minister to A. Clark-Kerr, 28.02.45 // Chartwell Papers. Churchill Archives Centre. Cambridge University. CHAR 20/223.
- Reynolds D.* FDR's Foreign Policy and the Construction of American History, 1945–1955. // Woolner D., Kimball W., Reynolds D., eds. FDR's World. War, Peace and Legacies. N.Y. 2008.
- Secretary of War to the Acting Secretary of State, May 21, 1945 // National Archives (College Park, Md). Record Group 165. ABC. Russia (22 Aug 43). Sec. 3.
- Stettinius E.* Roosevelt and the Russians: The Yalta Conference. N.Y. 1970.
- Stimson H.* On Active Service in Peace and War. N.Y. 1948.
- The Diaries of Edward R. Stettinius, Jr., 1943–1946 / Ed. by T. Campbell, E. Stettinius. N.Y. 1975.
- The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945 / Ed. by D. Dilks. London. 1971.
- W.M. (45) 18th Conclusions, Min.3 Confidential Annex, 12th February, 1945 // The National Archives. Prime Minister's Office Records 3/51/10.
- War Diaries, 1939–1945. Field Marshal Lord Alanbrooke / Ed. by A. Danchev and D. Todman. London. 2001.